

Алина Болото

Чуть короче жизни

16+

Алина Николаевна Болото

Чуть короче жизни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31730352

SelfPub; 2019

Аннотация

Жизнь барышни в российской провинции начала двадцатого века порой бывает скучновата. Но неожиданно Евгения Арсеньева встречает человека, от одного взгляда которого в жилах леденеет кровь. Да и человек ли он? Магия не только бросает Евгению в водоворот невероятных событий, но и полностью меняет судьбу девушки. Предысторию событий читайте в книге «Прибрежник».

Содержание

Герни	5
1	7
2	13
Герни	18
3	19
4	21
Герни	24
5	25
6	27
7	32
8	34
9	38
10	40
11	42
Герни	45
12	46
13	48
14	51
15	54
16	59
17	60
18	62
19	63

Герни

Иногда я думаю, что мне проще было бы остаться на острове Сазе. Там все было понятно, к тому же, там я пользовался большим авторитетом. Климат, опять же, очень мне подходил.

Скучновато, правда, было. Я там перечистил все светильники, написал свои бессмертные записки о наших, с Ирил, приключениях...

Что долго говорить? В общем, я оттуда сбежал. Представляю, как рыдали местные жители, лишившись такой достопримечательности, как я. Они потеряли надежду когда-нибудь все-таки напоить меня допьяна. Нельзя сказать, чтобы они не старались, но выпивка всегда заканчивалась раньше, чем я падал. Это их огорчало, но они надеялись! А теперь: все! Не для чего больше жить. Никто больше так не оценит их древнее искусство приготовления спиртных напитков из кокосовых орехов!

Шучу. Когда братья Олонжи вернулись в человеческий облик, я счел свою задачу выполненной, попрощался с богиней и отбыл с острова.

К Ирил я явился как раз вовремя. Ею овладела безумная идея посетить Россию, и при помощи тамошних родственников решить проблему с Чердже. Мне так надоела спокойная жизнь, что я даже не стал отговаривать бедную жен-

щину от новых приключений

1

Солнце в этот день не заходило долго – словно бы планета затормозила свой бег. Женя то и дело поглядывала на небо, и натыкалась взглядом на раскаленный шар, прикипевший к куполу небосвода.

Лошади едва брели. Возница пощелкивал кнутом над спинами, но тоже лениво. Когда коляска подпрыгивала на ухабах, с левой ее стороны доносился отчетливый скрип.

– Прохор, что у тебя с колесом?! – резко спросила Женя, словно только сейчас услышав угрожающий звук.

– Известно что, барышня! Коляске-то сколько лет будет?

– Так что же ты не чинишь ее, бездельник?!

Лупоглазый Прохор ухмыльнулся в русую бороду.

– А оплачивать кто будет, барышня?

– Тебе маменька за что платит?!

Но Прохора не так-то легко было смутить. Кучер господ Арсеньевых каждую неделю на товарняке добирался в город, чтобы участвовать в собраниях профсоюза возчиков. Женя подумывала уже, что содержание одного шофера обойдется им гораздо дешевле, чем возня с профсоюзным активистом-кучером. Это маменькина прихоть все еще удерживала за Прохором место!

– Ваша маменька желает иметь кучера, а не лапотника-разнорабочего!

– Приедем в город, найдешь мастерскую. Чтоб на обратном пути я этого скрипа не слышала!

Прохор хотел было возразить, но, оглянувшись, встретился с сердитым взглядом Жени и проглотил невысказанную фразу. Барышня Арсеньева пользовалась среди дворни дурной славой. Как-то раз Евгению Александровну видели в полнолуние выходящей из воды паркового пруда, а недели две назад кухарка Мотря в полночь столкнулась с ней возле коровника и с перепугу окривела. Что в полночь делала возле коровника кухарка, так и осталось тайной.

Не доезжая до Улатина версты четыре, Женя увидела стоящие рядом, неподалеку от дороги, цирковые фургоны. У одного что-то случилось с осью: его разгрузили и ремонтировали. Сваленный рядом с фургоном в кучу разноцветный хлам бесстыдно демонстрировал всей округе тайны быта циркачей. Чуть поодаль паслись два верблюда и ослик.

– Остановимся? – спросил Прохор, и, когда барышня кивнула, натянул вожжи. Соскочив с козел, кучер направился в собравшуюся возле поломанного фургона толпу, а Женя подошла к группе акробатов.

Четыре мускулистых парня, одетых в спортивные трико, кувыркались на брошенном на траву потертом ковре. Тоненькая, лет пятнадцати, девчушка не отставала от парней, храбро карабкалась на самый верх живой пирамиды, попутно рассылая воздушные поцелуи невидимой пока публике.

– Тайка, спину держи! – крикнул кто-то совсем рядом

с Женей. Оглянувшись, она увидела грузную женщину, с неодобрением наблюдающую за упражнениями акробатов. – Что ты горбишься, как старуха?!

С точки зрения Жени девчушка работала изумительно, но толстуха морщилась с отвращением.

– В Улатин? – спросила Женя у сердитой толстухи.

– Да. К ночи доберемся. Приходите послезавтра на представление, барышня. Хотите контрамарку?

С благодарностью приняв голубую бумажку, Женя тут же невольно вскрикнула. То, что она считала меховым украшением на шее женщины, неожиданно глянуло глазками-бусинками и пронзительно застрекотало.

– Заткнись, Буська! – женщина легонько шлепнула спинку похожего на мангуста зверька. – Оглушил!

– Кто это?! – Женя не смогла скрыть восторженной улыбки

– Буська-то? Да кто его знает. Фокусника был зверек, да фокусник помер. Орехи любит, как белка, но вообще-то ест все!

Женя осторожно протянула руку к коричневой мордочке. Нервно трепеща короткими усиками, Буська обнюхал ладонь и вдруг перескочил с плеча хозяйки на руку Жени! Промчался по рукаву, пушистым хвостом обхватил шею барышни, а потом, прямо на плече, довольно воркоча, улегся.

– Буська! – толстая женщина всплеснула руками, потянулась оторвать зверька от нового насеста, но Буська пронзи-

тельно заверещал и укусил ее за палец. – Ах, ты ж, скотина! – циркачка сунула укушенный палец в рот и крикнула зычно: – Михаил!

Все еще тяжело дыша после выполненных прыжков, подошел один из акробатов:

– Да, Людмила Васильевна?

– Отцепи этого уroda от барышни!

Женя испуганно посмотрела на Михайлу снизу вверх: парень смотрел насмешливо и пренебрежительно. Женя торопливо накрыла зверька ладонью, почувствовала, как гулко стучит под пальцами крошечное сердечко, и поняла, что не хочет отдавать Буську.

– Сколько вы за него хотите?

– Два... Нет, три рубля! – быстро сказала толстуха.

– Прохор!

Растолкав подошедших акробатов, появился Прохор, хмуро глянул на барышню.

– Шо это за мышь вы нацепили на шею, Евгения Александровна?

– Уплати за нее, Прохор! – велела Женя.

Прохор упер руки в бока, и посмотрел на акробатов так, что они вернулись к прыжкам. Толстуха сложила руки на пышной груди, грозно нахмурила брови, а Прохор почесал кнутовищем затылок.

– Скоко ты хочешь за эту поганую мышь, хозяйка? – спросил он с самым безмятежным видом.

– За эту редкостную шиншиллу я прошу всего лишь три рубля! – сурово ответила толстуха.

Проخور презрительно взглянул на зверька:

– С чего ты взяла, что эта мышь похожа на шиншиллу?

– Михаил, отцепи Бусика от барышни! – поджав пухлые губы, велела хозяйка.

Женя шарахнулась от акробата за спину Прохора. Кучер уперся кнутовищем в могучую грудь циркача и произнес миролюбиво:

– Остынь, паря! Барышне нравится поганая мышь!

– Михаил!

Совершенно неуловимым движением циркач выбил кнут из руки Прохора, и рука эта оказалась завернутой за спину кучера.

– Сколько вы хотите за эту шиншиллу, сударыня? – морщась от боли, прохрипел Проخور.

– Четыре рубля! – процедила толстуха.

– Да я за эти деньги слона куплю! – простонал Проخور, сгибаясь от боли в вывернутой руке.

Женя обошла Прохора, хорошенько прицелилась, остреньким каблучком туфли стукнула акробата по голени, отчего тот взвыл и отпустил кучера.

– Два рубля! – сказала Женя толстухе. – И бесплатное объявление в городской газете о ваших гастролях. Я договорюсь.

– А за повреждение рабочей конечности бедного артиста? – глядя на схватившегося за ногу акробата, процедила

хозяйка.

– А за повреждение рабочей конечности наемного кучера? – парировала Женя.

Несколько секунд обе созерцали тихо чертыхающихся мужчин.

– Хорошо! – наконец согласилась хозяйка. – Два рубля и объявление о приезде в Улатин цирка.

– Что вы говорите, Буська ест? – переспросила Женя.

С потерей двух рублей, отпущенных Надеждой Никитичной на хозяйственные нужды, Прохор смирился не скоро. С ненавистью косясь на горжетку Буськиного хвоста, окольцевавшего Женину шею, он бурчал себе под нос:

– У этой скотины, небось, блох полно! Мало вам Керто-на?!

Женя поглаживала шелковистую шерстку впавшего в сонную прострацию зверька и тихо улыбалась.

2

В город въехали, когда солнце все еще стояло высоко, и подворотные собаки лениво брехали на не в меру расшалившихся мальчишек. Прохор прикрикнул на озорников, но они все равно разбежались лишь перед самой мордой лошади.

Протарахтев по булыжной мостовой, коляска остановилась у дома адвоката Горюнова. Женя вышла, еще раз напомнила Прохору насчет мастерской, потом, не спеша, поднялась по ступеням парадной лестницы. Прохор в досаде вытянул лошадей кнутом, и направился в предместье к своему приятелю Никитке. Никитка держал не только мастерскую по ремонту автомобилей, но также еще и кузнецу. Прохор надеялся сговориться с кузнецом за полцены, а барыне выставить полную стоимость ремонта коляски.

Оглянувшись на удаляющийся экипаж, Женя вдавила кнопку электрического звонка. Самого звонка она не услышала, но через несколько секунд дверь отворила горничная Горюновых.

– Господа ужинают, – сообщила она Жене.

– Доложи, что барышня Арсеньева приехала.

Женя много раз бывала у Анны Горюновой – дочери адвоката, бывшей одноклассницы по Улатинской гимназии, и приглашение к столу последовало незамедлительно.

Женя прошла в уютную столовую, где вокруг накрытого

стола собрались Горюновы, с порога поприветствовала самого Леонида Евграфовича – главу семейства – плотного, седеющего блондина, его жену Елизавету Матвеевну – худенькую женщину с пепельными волосами и очень тихим голосом, их дочь Анну – пышную блондинку с румянцем во всю щеку, и мальчиков-погодков Мишку и Гришку.

Анна разразилась было восторженным «чириканьем», но суровый взгляд отца пресек пустозвонство. Леонид Евграфович начал солидно расспрашивать гостью о здоровье ма-тушки, о видах на урожай... Женя отвечала немногословно, при первом удобном случае свернув разговор на рекламное объявление для циркачей. Леонид Евграфович припомнил, что «Улатинский листок» задолжал ему за некоторые услуги, и пообещал договориться о бесплатном газетном объявлении для цирка.

Беседа за столом текла лениво, слегка оживившись лишь при появлении сладкого. Шоколадный пудинг вдохновил толстощекого хозяина на рассказ о путешествии в Англию, отчего Жене в седьмой раз пришлось выслушать историю о приеме у королевы.

Едва ужин окончился, Анна утащила Женю в свою комнату, и тут обнаружила коварную природу нового мехового украшения подруги. Оказавшись с барышнями наедине, Бусик соскользнул с плеча Жени, нырнул в берестяной коврик на прикроватном столике, чтобы набить рот очищенными ядрами лесных орехов.

Анна ахнула, потом умилилась, хотела погладить зверька. Но, сердито вереща и цокая, как белка, Бусик уклонился от протянутой ладони, вскарабкался обратно на плечо Жени и принялся лакомиться захваченными орехами.

– Я-то подумала: меховая горжетка! – восторженно воскликнула Анна, осторожно касаясь коричневой шерсти. Бусик отмахнулся крошечной лапкой и спустился за новой порцией орехами. – Какой потешный! Ну, ладно! Папенька никогда не даст поговорить! Как твой кузен, часто ли ездит к вам?

Анна была влюблена в красавчика Федора, статного гусара, родственника Арсеньевых, но Федор не жаловал розово-щекую хохотушку. Он предпочитал девиц томных, с романтической бледностью лица и приданым не менее миллиона.

«Жена должна быть слаба здоровьем и часто пребывать на водах, чтобы не мешать мужу распоряжаться своим приданным!» – как-то в откровенной беседе сообщил он родственнице. Женя посмеялась над дальновидностью кузена, но подругу разочаровывать не стала, ограничившись сообщением, что полк кузена отбыл на маневры.

– Ты, конечно, заночуешь у нас, душечка? Я велю приготовить твою обычную комнату!

Вдоволь насмеявшись и уговорившись с утра съездить к Нинель Ботвеевой, подруги расстались. Женя, вместе с дремлющим на плече Бусиком, направилась в «свою» комнату.

Эта комната отличалась от прочих лишь цветом обоев, и тем не менее, Женя ее особенно любила. Она всегда во время визитов к Горюновым останавливалась именно здесь. Окна комнаты выходили на старую Базарную площадь. Базар давно уже шумел в другом месте, но название осталось.

Вымощенная булыжником, с кривобокой будкой сапожника, прижавшейся к боку театра, Базарная площадь стала прибежищем актеров и художников. Почтенное серое здание городского театра часто соседствовало здесь с балаганом заезжих циркачей, а мастерская императорского портретиста Зубаева – с мольбертами уличных художников. А если на Базарной площади выступал сам Анатолий Удальский со своим знаменитым воздушным шаром – от зевак отбою не было. Всем известно, что на шаре Удальского поднимался на небо сам государь император!

Сейчас Базарная площадь уже всю светилась театральными огнями, хотя какой-то подвыпивший художник еще предлагал услуги портретиста двум хихикающим барышням. (По вечерам местные художники обычно собирались в пивной Ечинкова, но этот явно еще не заработал себе на закуску.)

– Барышни, при электрическом свете вы еще красивше выглядеть будете! – твердил свое художник, хотя свет от театральных фонарей едва озарял его прибежище у тумбы с афишами. Женя посмеялась над упорством художника, опустила на окне занавески и зажгла ночник.

Огонек высветил белизну разобранной постели и маленький столик рядом с ней. Женя с трудом отцепила от шеи хвост Бусика, чтобы положить зверька на салфетку на столике. Не спеша разделась, влезла в прохладное нутро ночной сорочки, но не легла, а подошла и стене и протянула ладонь к иконе.

– Помоги мне, Господи! – прошептала еле слышно.

Где-то в щели меж половицами пронзительно застрекотал сверчок. Женя вздохнула, с маху бросилась на кровать и набросила на себя покрывало.

– Шутник ты, Господи! – проговорила, уже засыпая.

Господь невидимо улыбнулся с иконы. На площади продолжал что-то бормотать полупьяный художник, съезжались к спектаклю экипажи улатинцев, а Бусик соскользнул со своего стола, принюхался и потрусил к подоконнику. На подоконнике пышным розовым цветом красовалась герань. Бывший циркач ловко вскарабкался на подоконник, захватил лапкой пучок листьев и затолкал в рот.

Герни

Я не знаю, где Женечка набралась этих дурацких идей насчет знаков! До нашей встречи ее симпатичная головка была набита всякими глупостями насчет того, что Господь, якобы, непрерывно беседует с нами при помощи всяких знаков, чтобы сообщить нашу дальнейшую судьбу. Вот, если бы вы были Господом, вы тратили бы время на беседы с земными балбесами или, может быть, за это же самое время создали бы пару-тройку миров?

3

К Нинель Ботвеевой ехать надо было с самого утра: иначе даму сию дома можно было и не застать. Наспех выпив кофею с поджаренными ломтиками хлеба, барышни устремились на задний двор, где сердитый и не выспавшийся Прохор ругался с местным кучером.

– Ты мне про орловцев-то не говори! – кричал он, уперев руки в бока и задрав к небу растрепанную бороду. – Вроде без них и лошадей нет?! И получше найдутся!

– А ну-ка, ну-ка, какие? – не уступал кучер Василий.

У ворот переминалась с ноги на ногу уже запряженная арсеньевская пара. Женя вошла в коляску, поправила уютно расположившегося на плече Бусика и закричала на Прохора:

– Хватит болтать, поехали!

Анна приподняла кружевные оборки лилового платья, и степенно поднялась в коляску.

– Барышня, нешто вы не со мной поедете? – спросил Василий печально.

Анна стрельнула в широкоплечего молодца лукавым взглядом, чуть зарделась щечками:

– Папенька мне с тобой ездить не велит. Ты шибко гоняешь!

Василий надул было губы, но Прохор ему ответить не дал.

– Сам давеча жаловался, что городовые свистели! – на-

помнил он посрамленному сопернику. – А у барышень от скачки головы кружаться!

Вообще-то, он нагло врал: и Женя, и Анна не раз катались по городу с ветерком, просто Прохор лучше понимал лошадей, и адвокат действительно доверял ему больше, чем собственному кучеру. Вообще-то, Горюнов уже приобрел автомобиль, но капризная английская штучка все еще торчала в гараже в ожидании шофера (на немецкую машину шофера сыскать было легче, но английская престижу давала больше).

Довольный победой Прохор взгромоздился на козлы и взял в руки вожжи.

– Открывай ворота! – крикнул он басом, но раздосадованный Василий демонстративно ушел на конюшню, поэтому приказ бросились исполнять дворовые мальчишки.

4

Нинель Ботвеева жила на окраине. Ее двухэтажный особнячок стоял несколько в стороне от других домов и выделялся розовыми шелковыми занавесками на окнах да бесхвостым каменным львом у парадного входа. (Хвост мраморному царю зверей прошлым летом отбили подгулявшие мастера.)

Хозяйка дома слыла искусной гадалкой, а также большой специалисткой по любовной магии. Нинель Ботвееву наперебой приглашали к себе семьи, где имелись девицы на выданье.

Проخور остановил лошадей на углу улицы. Барышни одна за другой выбрались из коляски, ведь подойти пешком к дому Нинель, считалось хорошей приметой. Когда барышни позвонили у крыльца, расторопная горничная провела их в светелку, где Нинель обычно принимала гостей. Сама хозяйка явилась минут через пятнадцать, шуря еще не покрашенные черные глазки и откровенно позевывая.

– Чего желаете, мои разлюбезные: гадать будем или привораживать?

Анна внезапно смутилась, хотела что-то сказать, но замешкалась. Женя была настроена более решительно:

– Сперва – гадать!

В руках Нинель привычно замелькали затертые карты.

– Какая-то дама бубновая возле твоего короля вьется, – сообщила она Анне, которая тут же обиженно заморгала. – Не иначе, как приворожить хочет!

Пока Анна выясняла у Нинели подробности насчет козней бубновой дамы, Женя листала толстенную книгу Папюса, посвященную тонкостям магии. Женя была у Нинели не в первый раз, и всегда эта книга лежала на зеркальном столике, раскрытая на одной и той же странице. «Любовь. Возбудитель человека воли», – значилось название раздела. Женя подозревала, что Папюс понадобился гадалке лишь для создания атмосферы особой таинственности.

Нинель смешала карты, пообещала Анне за отдельную плату обратить к ней сердце трефового короля и вопросительно обернулась к Жене.

– Гадай на ближайшее будущее! – велела Женя.

– Насчет имения спроси! – напомнила Анна, но Женя отмахнулась. Ее невольно привлекали мелькающие в руках гадалки карты, которые, казалось, сами сновали по столешнице. Нинель снисходительно улыбнулась, потом взглянула на карты, и улыбка стала кривоватой.

– Будет тебе дорога, милая, дорога неблизкая, опасная. И будет около тебя человек... Человек? – гадалка пристально всмотрелась в карты, и на лбу ее у вдруг проступили капельки пота. Резким движением Нинель смешала карты.

– Сглазили тебя, не буду гадать сегодня!

– Меня? – удивилась Женя. – Да кто же успел?!

– Долго ли сглазить барышню! – гадалка сгребла карты в ящик стола и вдруг размашисто перекрестилась: – На все воля Божья!

Раздосадованными возвращались домой барышни: Нинель наотрез отказалась продолжать работу.

Герни

Животрепещущий вопрос: нужно ли ездить к гадалкам?

Отвечаю: если у вас есть лишние деньги и слишком мало своих проблем, тогда нужно! Денег у вас убавится, проблем добавится, так что общее равновесие не нарушится.

5

Вечером в доме Горюновых ждали гостей, и Женя осталась, чтобы принять участие в живых картинах. Она любила эту нехитрую забаву, частенько устраивая представления в поместье маменьки.

Подруги сговорились предстать благородными англичанками, плененными свирепым морским разбойником. На роль разбойника Анна планировала кучера Василия. В старых сундуках отыскалась турецкая феска и турецкий же халат, которые тотчас были посланы Василию на конюшню. Английское платье для Жени пришлось слегка перешивать, так как Анна отличалась здоровой упитанностью, и платье ее на Жене неприлично висело.

Сам Леонид Евграфович задумал появиться перед гостями в облике собирающегося в поход боярина. Елизавета Матвеевна терпеливо мастерила мужу седую бороду из мочала, и давала распоряжения горничной относительно Мишки и Гришки. Сыновья адвоката должны были изобразить юных арапов, борющихся со змеей. Змею заменял широкий кожаный ремень, который Мишка и Гришка с восторгом и визгом душили. От змеи они как-то незаметно переключались друг на друга, и уставшая горничная уже в который раз разводила их по разным комнатам. Но когда маменька пригрозила, что не даст им мазаться под арапов, а наоборот велит надеть

костюмчики и весь вечер быть при ней, Мишка с Гришкой притихли и позволили уложить себя на дневной сон.

Весь день прошел в хлопотах, поэтому Женя почти забыла о неудачном утреннем визите. Некоторой проблемой стал несговорчивый Бусик, который начинал сердито цокать, едва его переправляли с плеча Жени на прикроватный столик. Но Женя определила, что, если рядом с упрямым зверьком ставится блюдечко орехов, гнев сменяется на милость, и Бусик позволяет новой хозяйке закрыть себя в комнате.

6

Под вечер стали съезжаться гости, две трети из которых Женя знала хотя бы в лицо. Улатин – город небольшой, развлечений не так уж много, и жители частенько сталкиваются у одних и тех же дверей.

Пока гости поочередно подходили приветствовать хозяев, Анна щедро отпускала улыбки, шепотом поясняя подружке изменения в семейном положении тех, кого она давно не видела. Неожиданно, Женя ощутила весьма чувствительный толчок под локоть, и, подняв глаза, обнаружила рядом с сыновьями сахарозаводчика Лукашина – Иваном и Дмитрием – совершенно незнакомого молодого человека. Высокого, с приятными чертами лица, но с удивительно пронзительным взглядом. Под этим взглядом Женя отчего-то почувствовала себя неуютно.

– Иностранец! – старательно делая безразличный вид, прошептала Анна. – Знакомый Лукашиных!

«Знакомый Лукашиных» одеждой очень заметно отличался от улатинских горожан. Его малиновые с серебряной вышивкой брюки, казалось, еще хранили на себе пыль древней Мексики. Тонкая сорочка белизной оттеняла загорелую кожу лица и шеи, короткая куртка подчеркивала стройность фигуры. Словом, улатинские барышни не сводили глаз с симпатичного иностранца, который пока еще не покидал

мужской кружок.

Как всегда, беседовали о политике. Леонид Евграфович солидно вещал о преимуществах английского оружия и бранил нерасторопных русских министров, которые снова тянули с перевооружением армии.

– Вот, вы полагаете, какое оружие лучшим? – обратился он неожиданно к иностранцу. – Да вы, верно, по-русски не понимаете? Ду ю спик инглиш? – припомнил адвокат свои познания в английском.

– Благодарю, я довольно понимаю по-русски! – ответил гость с заметным акцентом, но вполне разборчиво. – Всем видам оружия я предпочитаю янвайское.

– Я-янвайское? Это где ж такое производят?

– Остров Янвая. Там небогато с местными ресурсами, зато искусные мастера-оружейники. Все пираты Северных да и добрая половина с Южных морей вооружены именно янвайским оружием.

– Вы такой знаток пиратов?

– Их довольно много в наших местах...

Разговор заинтересовал Женю, но продолжения его она уже не услышала, так как братья Лукашины с двух сторон атаковали Анну, и пришлось поспешить на помощь подруге. Цветистые комплименты Ивана и Дмитрия показывали, что кроме «Биржевого листка», братья периодически почитывали и изящную литературу типа Ната Пинкертон.

– Ваш взгляд пронзил мое сердце наподобие пистолетного

выстрела! – сообщил Anne Дмитрий.

– Вообще-то пронзают обычно – шпаги! – охладила пыл кавалера Женя. Анна с благодарностью оставила братьев на Женю, и поспешила «за кулисы», то есть в гостиную, где заканчивали приготовления к живым картинам.

– Зато ваш язычок острее лезвия шпаги! – помог брату Иван. Женя на секунду задумалась:

– Что еще остается слабой женщине для защиты, если вокруг все бряцают оружием?

– О, нет! Это не по нашей части! Господин Вольф, подойдите, пожалуйста, к нам!

Иностранец раскланялся с собеседниками и подошел к Лукашиным. Женя почему-то почувствовала холодок в сердце, но постаралась встретить гостя любезной улыбкой. Вольф на улыбку не ответил, он смотрел только на Ивана.

– Господин Герни Вольф у нас большой знаток оружия. Выручайте, господин Вольф! Барышня Арсеньева загнала нас в угол!

– Обоих? – Вольф удивленно приподнял брови. – Барышня, видимо, предводительница амазонок?

Жене начала надоедать эта пикировка.

– Не нужно быть амазонкой, чтобы побеждать в словесных баталиях мужчин, вооруженных только усами!

Вольф сочувственно посмотрел на рыжие лукашинские усы, но ответил несколько неожиданно:

– Но у меня-то усов нет, стало быть, я безоружен. Жестоко

– издеваться над беззащитным. Впрочем, от столь прекрасной мучительницы я готов вынести все! – и он покорно склонил голову.

Такого оборота Женя не ожидала. Она смутилась так, что покраснели даже кончики ушей. Зато Лукашины пришли в восторг: они не раз страдали от колкого язычка Жени, и были счастливы оттого, что кто-то слегка осадил юную ехидину. Но Вольф не дал им насладиться победой.

– Я слышал, нам сегодня покажут спектакль? Вы ознакомьте меня с замыслом режиссера?

Женя еще не пришла в себя, но правила хорошего тона требовали продолжения разговора.

– Это все – любительство, – слегка запинаясь, объяснила она. – Для настоящего спектакля у нас недостаточно актеров. Сегодня мы просто покажем живые картины...

– Мила! – по трагическому тону Анны Женя поняла, что случилось непоправимое. – Василия свезли в больницу с лихорадкой! У нас не будет пирата!

На самом деле ничего особенно страшного не происходило: срывалась лишь одна картина из трех. У Леонида Евграфовича все было в порядке, он как раз заканчивал очередную речь о преимуществах Англии, да и Мишка с Гришкой, охраняемые бдительной горничной, еще не успели объесться пирожными. Так что...

Но на глазах у Анны заблестели слезы: она так мечтала показаться в новом английском платье. Женя с надеждой по-

смотрела на Вольфа:

– Вы нам не поможете?

– Безусловно! – сразу ответил тот. Лукашины хором предложили свои услуги, но было уже поздно. Костюм пиратский был только один.

Первым выступал Леонид Евграфович, за ним должны были сражаться со змеею мальчишки, так что время на подготовку еще было. Анна перепоручила гостей матери и убежала переодеваться. Женя вывела Вольфа на террасу, где уже ждал его дворовый мальчишка Кузька, чтобы отвести гостя переодеться в турецкий халат и феску.

– Что я должен делать? – акцент в речи Вольфа стал заметнее, казалось, что гость с трудом подбирает русские слова.

– Ничего особенного. Стоять и смотреть свирепо. Пираты захватили английский корабль, на котором были две девушки знатного рода. Они умоляют пиратского капитана отпустить их.

– И он отпускает?

– Что? – Женя была так занята своими мыслями, что не поняла вопроса.

– Он отпускает пленниц?

Жене некогда было раздумывать над печальной судьбой английских девушек, ее больше интересовала судьба постановки.

– Понятия не имею! – честно ответила она. – Ваше дело: стоять и смотреть очень грозно.

Хотя Женя и Анна не видели, как принимали гости ново-

явленных артистов, но по шуму аплодисментов поняли, что картины понравились. Представление показывали в гостиной, которую по такому случаю разделили на две части и повесили бархатный занавес. Занавес открывал и задергивал Кузька.

Перед демонстрацией Мишки и Гришки случилась небольшая заминка: при виде превращенных в арапов хозяйских сыновей Кузька не удержался и с любопытством потрогал ставшую черной Гришкину кожу. Горячая арапская кровь ударила Гришке в голову: оскорбленный артист от души съездил нахалу по уху. Начинающуюся драку пресекли Елизавета Матвеевна и горничная, растянувшие драчунов по разным углам и пообещавшие полностью лишить их сладкого. Зрители ничего не видели, но слышали возню за занавесом, и на всякий случай стали шумно хлопать.

8

Наконец занавес отодвинулся. Юные арапы принялись бороться со змеей. Румянец смущения на их лицах под слоем краски не был виден, змея была побеждена очень быстро, и зрители бурными аплодисментами, и криками «бис» стали требовать повторения поединка.

Все это время Анна с Женей топтались в боковой комнате, заглядывали в зеркала и волновались. Анна от волнения, чуть не расцарапала щеку, тщательно припудривая микроскопический прыщик. А Женя переживала, успеет ли переодеться Вольф: Мишка с Гришкой уже душили змею по второму кругу, а иностранца все еще не было.

Наконец «арапы» закончили, Кузька задернул занавес, и на импровизированной сцене стали создавать корабельную обстановку. Для этого на одной из стен развесили изображающее парус полотнище, и установили на подставке настоящий корабельный штурвал, который специально для такого случая привез откуда-то Леонид Евграфович. Все было готово, не было только пиратского капитана.

– Вдруг он не придет! – Анна в ужасе заламывала руки. – Кузька, ты куда его отвел?! Может, он заблудился?!

– Куда велено было, туда и отвел! – ответил хмурый Кузька. – В комнату для гостей. – Сейчас я за ним сбегая!

Зрители за занавесом стали проявлять признаки нетер-

пения. Духовная пища, по традиции, предваряла телесную, и кое-кто уже жаждал перейти к столу. Аплодисменты стали настойчивыми. Вежливые зрители пока не осмеливались свистеть и топтать ногами, зато они усердно кашляли и хлопали в ладоши.

Кузька еще не успел далеко отбежать, как из коридора донесся его крик «идет», мальчишка прошмыгнул мимо барышень и занял свое место у занавеса. Появился запыхавшийся Вольф.

– Где я должен стоять? – спросил он на ломанном русском (похоже, волнение сказалось на его знании русского языка).

– Вы стоите у штурвала! – торопливо пояснила Женя. Мы выходим, просим вас о пощаде, и Аня поет. Вы стоите, молчите и свирепо смотрите. Все!

Вольф прошел к штурвалу и повернулся спиной к занавесу, лицом к «парусу», Кузька потянул занавес за край, чтобы перед заждавшимися зрителями открылась сцена. Зрители бурно захлопали, потом постепенно затихли.

Женя взяла под руку якобы изнемогающую от страха Анну и медленно повела через сцену. При виде девушек зрители вновь захлопали, кое-кто даже крикнул «браво». «Англичанки» пересекли «палубу», и в недоумении остановились перед «пиратским капитаном». Вольф по-прежнему стоял ко всем спиной и внимательно смотрел куда-то вверх, за верхнюю кромку паруса.

– Куда он смотрит?! – сквозь стиснутые зубы возмутилась

Анна.

– Господин... э... мистер кэптен! – окликнула пирата Женя. Вольф медленно повернулся, и только теперь Женя поняла, что на нем нет турецкого халата. Он остался в своих малиновых брюках и белоснежной сорочке, снял только куртку. Широким поясом от халата Вольф перетянул свою и без того тонкую талию, а на голову повязал невесть откуда взявшийся черный платок. На щеке Вольфа отчетливо проступил рваный шрам, и у Жени слова замерли в горле, когда она увидела взгляд Вольфа: сумрачный и недобрый. – Мистер кэптен! – повторила Женя и поняла, что не помнит, как будет по-английски «пощадите».

Ожидая продолжения сцены, зрители терпеливо молчали. Анна стреляла глазками в сторону зрителей и принимала наиболее выигрышные для своей фигуры позы. Женя ущипнула подругу за локоть и шепнула: «Пой!»

Анна мельком взглянула на капитана, заломила руки в воображаемой мольбе и томным голосом запела. Она пела печальную английскую песню о морских опасностях, тихом сельском доме и об ожидающей матери. Пела Анна не очень хорошо, но старательно.

Пират слушал с усмешкой. Женя то и дело вскидывала на него взгляд, потом опускала. Она неожиданно почувствовала озноб: молчаливая фигура у штурвала пугала ее все больше и больше. Женя с трудом удерживала тяжело опирающуюся на ее руку Анну, потому что собственные ноги отчего-то

стали слабеть. Казалось, песня длится без конца!

Наконец Анна допела последний куплет и присела в реверансе. Публика разразилась восторженным ревом и аплодисментами. Анна послала в толпу несколько воздушных поцелуев. Кузька задернул занавес.

И тут у Жени зазвенело в ушах, она едва успела понять, что падает, как Вольф подхватил ее у самого пола. Испуганная Анна взвизгнула, а Кузька, с перепугу, дернул за шнурок. Увидав Женю в объятиях пиратского капитана публика восторженно заревела «бис». У Женя хватило мужества послать в публику улыбку, сделать прощальный взмах рукой, и крикнуть Кузьке: «Закрывай!»

Дальнейшее Женя помнила смутно. Вольф внес ее в комнату с окнами на Базарную площадь и торопливо вышел. Испуганная Елизавета Матвеевна послала за доктором. Анна разрывалась между внезапно заболевшей подругой и гостями, а Бусик мрачно жевал потерянный пояс от турецкого халата.

Доктор Николай Ефимович Святкин, которого оторвали от ужина, наскоро осмотрел горло Жени, ощупал лоб и сказал, что все дело в духоте и туго затянутом корсете. Обмороки с молодыми барышнями – дело обычное, и бояться здесь нечего. Кушать надо вовремя, а не живые картины представлять! На том и ушел.

Женя заверила Елизавету Матвеевну в своем благополучном здравии и попросила вернуться к гостям. Анна тоже убежала, шепнув, что кое-кто от нее в восторге.

Женя осталась одна. Откуда-то из угла осторожно подал голос сверчок, перекрывая звуки несущейся снизу польки, (приглашенный из улатинского театра квартет честно отрабатывал деньги). Женя в самом деле чувствовала себя нехорошо. Стоило опустить ресницы, как вновь и вновь ей мерещился недобрый взгляд Вольфа. Она попыталась заснуть, но сон не шел. Внизу все еще шумели гости. Бал был в самом разгаре. Буська, которого уложили отдыхать на подушке на

прикроватном столике, спал, накрыв нос пушистым хвостом и явно видел во сне горы орехов. Временами зверек начинал шевелить усами, делать лапками хватательные движения и причмокивать.

Наконец Женя не выдержала. Она легла в постель одетой, и теперь, вскочив, стянула с себя злополучное английское платье, чтобы переодеться в свое дорожное. Бусика она бросила в ридикуль, причем, зверек даже не проснулся.

Сложнее было выйти из дома, не столкнувшись ни с кем из семейства Горюнова, но Женя хорошо знала дом адвоката и воспользовалась черным ходом. Около подъезда стояли чужие экипажи. Женя стала искать Прохора, ничуть не сомневаясь, что он где-то здесь болтает с чужими кучерами.

Так оно и было. И не только «болтал». Человек пять кучеров собралось на конюшне вокруг бутылок с анисовкой, причем, Прохор, безусловно, главенствовал. Женя схватила его за руку, как раз в тот момент, когда эта рука подносила ко рту рюмку водки. Прохор замер, удивленно замолчали и остальные.

– Запрягай лошадей, мы уезжаем! – приказала Женя.

– Так ведь ночь, барышня! – только и выговорил изумленный Прохор.

– Запрягай, я сказала, олух! – Женя и сама не поняла, отчего рассвирепела, – Поедем сейчас!

– Да вы что, барышня, там же на волков нарваться можно!

Кучера зашумели, подтверждая слова Прохора. В лесу близ Улатина и в самом деле водились волки. Правда, сей-

час, летом, они были не столь голодны и свирепы, но зачем же искушать судьбу?!

– Если ты сейчас не запряжешь лошадей, я возьму Рыжего, а ты завтра же получишь расчет!

– Малахольная! – пронесся шепоток среди кучеров. – Все выжидательно смотрели на Прохора. Прохор колебался. Он знал, что барышня и в самом деле может умчаться домой на Рыжем, и тогда назавтра придется объясняться с барыней, зачем отпустил Евгению Александровну одну.

– Ну, барышня! – Прохор опрокинул в рот рюмку водки. – Я вас предупредил! Сейчас запрягаю.

Женя вышла на воздух. Следовало написать хозяевам записку о внезапном отъезде, иначе утром начнется переполох. Карандаш и бумага – вот что сейчас нужно. Возвращаться в комнату не хотелось. Больше всего Женя боялась расспросов. Она сама не знала, почему так рвется уехать. Невозможно было оставаться.

Небо было удивительно ясным, крупные звезды мерцали высоко в своем черном покое. После спертого духа в конюшне приятно было дышать полной грудью на воздухе, и смотреть на звезды. Они всегда производили на Женю необычайное воздействие: хотелось выйти на дорогу и идти, идти под ночным небом, пока не займется заря. Женя любила теплые летние ночи, любила купаться при луне в пруду, слушать стрекот сверчков.

Засмотревшись в ночное небо, Женя на какое-то время забыла обо всем, но голоса подгулявших гостей, скликавших прислугу, заставили вздрогнуть и отступить в тень.

«Найду Кузьку и велю ему передать мои слова Ане!» – решила Женя, и направилась в дворницкую, где Кузька жил. Однако она не прошла и нескольких шагов, как ей преградили дорогу.

– Госпожа Арсеньева?

Женя вздрогнула, сердце вновь обдало холодной волной,

виски сдавило. Но она не успела упасть в обморок: под нос ей сунули платок, пропитанный каким-то резким запахом, и в голове сразу прояснилось.

– Господин Вольф?!

Платка на голове у «пиратского капитана» уже не было, исчез со щеки и жуткий шрам. Вольф снова был одет в свою куртку и напоминал скорее испанского тореадора, чем пирата.

– Я вас напугал, простите!

– И вовсе вы меня не напугали! Престо в комнате было душно, и мы слишком долго готовились.

– Простите еще раз! Я слишком сильно старался быть свирепым. – Он сказал что-то на незнакомом языке, Женя не поняла, но переспрашивать не стала. Вольф снова перешел на русский. – Теперь вам уже лучше?

– Лучше? – Женя поняла, что страх, гнавший ее в ночь, и в самом деле пропал. – Да, спасибо.

– И вы не будете уезжать сейчас?

«Откуда он узнал? Ведь из конюшни еще никто не выходил?!»

– Вы перепугаете хозяйку. Право, я не хотел создавать столько хлопот! Уважьте меня, вернитесь к себе в комнату!

Подошел уже одетый Прохор, но, увидев Женю беседующей, остановился поодаль. Вольф на мгновение отвлекся, сунул что-то кучеру в руку, что-то сказал негромко, и весьма довольный Прохор, отправился обратно в конюшню.

– Евгения Александровна, я сегодня здесь не случайно.

Вам знакомо имя Ирил Данни?

– Да, это маменькина родственница с островов.

– Она завтра приедет к вам в гости в Арсеньевку. Предупредите Надежду Никитичну, мы будем часам к четырем.

– Мы?

– Я состою при ней. Еще раз простите, что напугал. Вы вернетесь сейчас к себе?

– Да, конечно.

– Всего вам наилучшего. Лукашины сейчас отъезжают, я отправлюсь с ними. Честь имею!

Вольф исчез так же внезапно, как и появился. Женя несколько секунд простояла в растерянности. Страх исчез, но спокойствие так и не появилось. Жене не хотелось возвращаться в дом, больше всего она мечтала оказаться сейчас у себя в Арсеньевке с книгой в руке, и дремлющим у порога псом Кертоном.

Простояв еще минут пятнадцать, Женя постепенно успокоилась. Страх еще не прошел окончательно, но она уже приняла решение, и потому почувствовала себя лучше. В самом деле, мчаться в Арсеньевку ночью – это нарываться на неприятности. К тому же, не домой теперь надо ехать, а к отцу Федору, на хутор! Если отправиться с рассветом, можно прекрасно везде успеть.

Женя вернулась в спальню, разделась и уснула крепким сном без сновидений.

Герни

Я абсолютно уверен, что мое пиратское прошлое здесь не при чем! Я просто задумался и перестал контролировать выражение лица. Что-то плохое должно было вскоре случиться. Я это чувствовал, но не понимал, что именно...

За окном уже серел рассвет. Первое, что увидела Женя, открыв глаза, был коричневый хвост Бусика. Зверек сидел на одеяле и вылизывался, словно кошка. Несколько секунд Женя оторопело смотрела на Бусика, пытаясь припомнить, где оставляла его с вечера. Потом, вспомнила, поискала глазами ридикюль, и увидела расстегнутую сумочку лежащей на полу рядом с остатками листьев герани. Похоже, Бусик плотно позавтракал, потому что от пышного когда-то растения, на подоконнике остался только торчащий из земли голый стебель.

Женя пожурила Бусика, потом наскоро умылась и прокрадась на кухню, где уже растапливали печь. Из-за вчерашнего инцидента поесть Женя вечером не успела, и теперь со здоровым молодым аппетитом набросилась на еду. Кухарка Лукерья, подавая барышне завтрак, рассказывала, что живые картины произвели на подглядывавшую дворню весьма сильное впечатление. Леонид Евграфович с окладистой бородой был похож не столько на боярина, сколько на мужика. Мишка с Гришкой – ну вылитые арапчата! Но больше всех запомнился свирепый иностранец. Кое-кто божился, что никакой это не иностранец, а Яшка-цыган, который грабит честной народ на Стержинском тракте, и по которому давно острог плачет. Женя посмеивалась и в свою оче-

редь живописала, как у нее кровь застыла в жилах от взгляда Вольфа, и как всю ночь ей снились пиратские корабли. Лукерья ахала и верила.

– Дай мне еды для Прохора! – попросила Женя кухарку. – Не хочу дожидаться завтрака, маменька просила вернуться пораньше.

– Да он-то как раз не голоден! – разворчалась Лукерья. – Они вчера до полуночи пили, ели да песни орали!

Но еды дала и даже завернула все это в чистую тряпицу от мух. Женя взяла сверток, попросила Лукерью передать Анне записку и отправилась будить Прохора.

Выезжали по холодку. Отдохнувшие сытые кони легко несли коляску по мостовой, пугая кошек стуком копыт. Кошки торопливо взбирались на заборы и оттуда зелеными глазами смотрели вслед проезжим.

Бусик сладко спал на коленях у Жени. Сердитый с утра Прохор поторапливал лошадей: Женя предупредила его, что перед Арсеньевкой нужно будет заехать на хутор к отцу Федору. Прохор надеялся, что отец Федор не откажет страдальцу в помощи, и угостит его содержимым своего погребка. Самогон отца Федора в селе знали и весьма уважали.

Сразу за городом потянулись полоски полей. Был разгар жатвы и, несмотря на ранний час, то тут то там встречались люди. Торопились убрать скудный урожай этого года. Весна была затяжной, с внезапными заморозками, часть всходов погибла, пришлось пересевать. Хозяйство Арсеньевых тоже пострадало, но Надежда Никитична, по совету отца Федора, часть семян заменила еще с осени, и потому ее пшеница оказалась более устойчивой к холодам.

Женя лениво разглядывала недожатые полосы, ее внимание притягивали то кружащиеся над полями птицы, то синая вдали полоска леса. Представив, как могла бы здесь ехать ночью, барышня невольно поежилась.

Солнце поднялось уже довольно высоко, когда коляска

въехала в Улатинский лес. Давно не чищенный, полный сухостоя, при солнечном свете он не казался таким уж опасным. Даже не верилось, что где-то в этих зарослях водились волки.

Женя думала о вчерашнем дне. Вспоминая слова Нинель Ботвеевой насчет сглаза, Женя теперь готова была допустить и это. До сих пор ей в обмороки падать не приходилось.

Внезапно Рыжий тревожно фыркнул, Далжик сбился с шага, и коляску заметно тряхнуло.

– Не балуй! – прикрикнул на коня Прохор, но тут же протяжно ахнул: – Кажи-ись, волки!

Женя оглянулась и увидела тощих, похожих на серых собак животных. Линяющая шерсть висела клочьями, хвост у переднего был высоко поднят, а у двух других поджат.

– Прохор, гони!

Но кучер и так уже подхлестывал лошадей. Бусик тревожно зацокал, вскарабкался хозяйке на плечо и хвостом обвил шею. Женя привстала на сидении и увидела, как волки большими скачками бросились вдогонку. Передний бежал, как настоящий пес, занося задние лапы вбок, двое других держались немного позади вожака, их морды мелькали то выше, то ниже его хвоста. Коляску подбрасывало на ухабах, левое колесо вновь начало угрожающе поскрипывать.

Вожак прибавил скорость, обходя коляску справа. Женя увидела, что волк не сводит взгляда с мелькающей ляжки Рыжего.

– Прохор!

Кучер, обернувшись, хлестнул жожака кнутом. Волк не взвизгнул, но отстал в беге, зато двое других попытались добраться до лошадей слева, и Прохор злобно бросил кнут туда.

– Пшли вон! – гаркнул во всю мощь. – У-у! Гадюки некормленные!

«Некормленные»? Женя схватила с сидения сверток, торопливо размотала тряпицу, стала ломать на куски хлеб с сыром и бросать на дорогу. Один из волков внезапно отстал, нагнулся, на бегу схватил кусок, но закашлялся и выронил. Второй ловко подхватил упущенное, на что первый злобно рывкнул. Вожак оглянулся через плечо, обнаружил начавшуюся грызню, замешкался, и коляска вырвалась вперед.

Прохор продолжал подгонять лошадей, хотя они и без того скакали во весь опор. Когда опасное место осталось позади, и лошади замедлили бег, Бусик соскользнул с плеча, обнюхал тряпицу. Коричневая мордочка выразила явное сожаление, потом зверек начал аккуратно подбирать крошки хлеба и сыра, лапками заталкивая себе в рот.

– Ловко вы, барышня, волков прикормили! – сказал Прохор уважительно.

– Зато ты без завтрака остался, – теперь Женя почувствовала дрожь в теле и легкий звон в ушах.

Прохор видимо заметил необычайную бледность хозяйки, вздохнул тяжело, сунул руку куда-то под сидение и вынул початую бутылку водки.

– Хлебните, барышня, замерзли вы! Чтоб не простудились, а то мне Надежда Никитична голову оторвет!

Женя молча приняла бутылку, сделала длинный глоток, почувствовала растекающееся внутри тепло, и на секунду пожалела, что Прохора с его бутылкой не случилось под рукой вчера. Бусик сердито заверещал, протягивая лапки к бутылке, но Женя легонько шлепнула его по спине и вернула бутылку владельцу.

– Ты сам не слишком увлекайся-то! – посоветовала она кучеру, – На голодный-то желудок!

Прохор беззлобно хохотнул, вспоминая, как волки лишили его еды, осторожно глотнул и вновь сунул бутылку под сидение.

– Видно кто молился сегодня за нас, что волчары так быстро отстали!

Женя ничего не ответила. Исчезновение опасности, спиртное, продолжающее согревать изнутри, разморили ее, она откинулась на подушки и попыталась дремать. Буська с любопытством посмотрел на хозяйку, потом на Прохора, потом быстро перебежал на козлы. Потершись маленькой головкой о локоть кучера, он цапнул его лапкой.

– Чего тебе? – недовольно спросил Прохор. Буська цокнул и юркнул было под сидение, но кучер успел поймать зверька за хвост.

– Да ты, никак, выпить хочешь?! – Буська сложил вместе передние лапки и умильно заглянул человеку в глаза. – Ну, ты и скотина, брат! Твой фокусник, видать, крепко за воротник закладывал?!

Буська просительно цокнул.

– Мне не жалко, брат, но Евгения Александровна не одобрит! – сказал кучер совершенно серьезно. – Они не приучены, шобы их животины пили! Так и Кертон, глядишь, водки запросит, а кто лаять будет, я, шо ли?

Буська извернулся на хвосте, дотянулся до Прохора и жалобно пискнул ему в ухо.

– Ладно, я ж не зверь какой! Только ты меня не выдай!

Прохор вынул бутылку, откупорил, и с удивлением наблюдал, как Буська проворно заработал язычком, слизывая с горлышка капли водки. Но это продолжалось недолго: Прохор оторвал зверька от бутылки, и загнал пробку на место.

– Пора и честь знать! А то еще буяннить начнешь!

Довольный жизнью Бусик разлегся на козлах, лениво щурясь в сторону лошадей, а Прохор поднял брезентовый верх у коляски, закрывая дремлющую хозяйку от лучей утреннего солнца.

Женя не слышала, как подъехали к хутору отца Федора, проснулась только тогда, когда басом взяла Пальма – крупная серо-черная дворняга, охранявшая подворье. Взаяла, да скоро замолчала, узнав знакомых гостей. Только Бусик вызвал было у нее сомнения. Она заворчала, но после окрика Прохора смолкла, тихонько показывая клыки зверьку. Вполне счастливый Бусик поглядывал на собаку с высоты Прохорова плеча и лениво шевелил усиками.

Поскольку на собачий лай никто не вышел, Женя подумала, что отец Федор на пасеке. Пасека была его любимым детищем, и мед у него получался каким-то особенно ароматным да вкусным.

Женя вышла из коляски, чтобы пройти в большую, крытую соломой хату. Хату свою отец Федор никогда не закрывал, утверждая, что знает от воров особое слово. Впрочем, вору и верно, к нему не лазили. То ли опасались огромной Пальмы, то ли заветное слово действовало. А может, и медвежья фигура самого отца Федора внушала им почтение.

Отец Федор жил бобылем. После смерти матушки он крепко запил, забросил церковные службы, разругался с церковным начальством, и в приход прислали другого священника.

Чужака отец Федор не любил, прозвав гусаком за тонкую

шею и шепелявую речь. В церковь отец Федор ходил теперь только по праздникам, но молитвы не оставлял, и прихожане втихомолку почитали его, как блаженного. Болтали, что одно слово отца Федора исцеляет недужных и укрепляет слабых духом. Новый священник считал это бесовщиной, и угрожал всякими карами тем, кто по старинке бежал к отцу Федору за помощью. Отец Федор посмеивался в густую бороду, но в помощи никому не отказывал.

Вот и сейчас Женя присела подождать, пока Прохор отыщет хозяина. В горнице стоял приятный полумрак, пахло медом и сушеными травами, где-то лениво жужжала заблудившаяся пчела. В красном углу, под иконами, теплились лампы. Дремавшая под лавкой кошка Мурка проснулась и потерлась спинкой о ногу гостя, напрашиваясь на ласку.

Пока Женя щекотала кису за ушком, закрипела дверь, и в комнату, слегка пригнувшись, вошел отец Федор. Роста бывший священник был немало, и потому всегда берег в дверях голову. Сунувшемуся было за ним Прохору отец Федор велел слазить в погреб и позаботиться о хлебе насущном, а сам прошел к столу и сел напротив Жени.

– Рассказывай! – коротко приказал он.

Женя вздохнула, но обманывать отца Федора не рискнула. Услышав о визите к Ботвеевой, отец Федор нахмурился: гадалку он не любил и посещений ее барышнями категорически не одобрял. Но говорить пока ничего не стал, а дослушал до конца, до самого происшествия с волками.

– Где они пристали?

– На одиннадцатой версте.

– А во время представления этот Вольф говорил что-нибудь?

– Нет. Молчал, как я просила. Я сама не знаю, что случилось. Такой страх напал!..

Отец Федор задумался, комкая в кулаке седоватую бороду, поглядывая на Женю искоса. Кошка мурлыкала у него на коленях.

– А холодом от него не веяло?

Теперь уже задумалась Женя. Она не помнила подробностей. Помнила только пронизывающий взгляд и собственный дикий ужас. А был там холод или не был?

Отец Федор неожиданно встал, вышел и через минуту вернулся с большим серебряным крестом на серебряной же цепи.

– Ну-ка, смотри! – крест качнулся перед глазами Жени, блеснул на серебряной грани отраженный солнечный луч. – Смотри и говори, что видишь!

Женя смотрела на крест, но видела только карие глаза Вольфа, которые заставляли столбенеть и терять разум. Женю качнуло.

– Сидеть! – грозно рявкнул отец Федор. – Что видишь?!

Женя видела Вольфа, но не только его. Позади Вольфа клубилось нечто бесформенное, излучавшее холод. Потом оно втянулось в иностранца, и на Женю оскалилась волчья

морда. Женя оцепенела.

– Ах, ты, сукин сын! – словно сквозь сон услышала отца Федора, но Женя не могла обернуться, не могла оторвать взгляда от оскаленных клыков. Но она почувствовала, как за спиной появилось что-то огромное, пышущее жаром, услышала грозный рев. Это длилось всего мгновение, и Вольф исчез.

Женя продолжала сидеть неподвижно, не отрывая взгляда от того, места, где только что видела волка. Сзади продолжало струиться тепло, словно от пышущей жаром русской печи. Внутреннее оцепенение еще не прошло, но страха уже не было. Он растаял под натиском тепла.

Крест снова качнулся перед глазами Жени, на своем запястье она почувствовала теплую ладонь отца Федора.

– Испугалась, дочка? – спросил он ласково. – А ты не бойся! На всякого волчару свой медведь есть.

Женя все еще не могла опомниться. Но душевное смятение не мешало ей наслаждаться ощущением облегчения после схлынувшего ужаса. словно из души убрали что-то тяжелое.

– Что это было?

Отец Федор снова присел к столу, положил цепь с крестом на столешницу, подпер рукою щеку. Обычно доброе лицо его было грустным и немного сердитым.

– Нечисть это была. Самая обыкновенная нечисть. Но ты-то чего испугалась? Я тебя, что ли, молиться не учил?

– Мне и в голову не пришло!

– А по гадалкам бегать, пришло?! Что тебе нейдет? За-чем тебе будущее?!

Женя сама не знала, что ей нужно. Она знала, что ей нестерпимо скучно в Арсеньевке, да и в Улатине не лучше. Но так жили все.

– Не ворчи! Лучше посоветуй, что делать. Они сегодня к маменьке приедут.

– Если насчет имения: не продавайте! Это год такой выдался! Другой будет лучше!

– Далось вам всем наше имение! Он сказал, родственница нам его хозяйка! Поехали с нами, отец Федор!

Отец Федор призадумался. Думал он не очень долго.

– Поезжай пока одна! Я приду к четверем, познакомлюсь с твоим... Вольфом!

На этом серьезный разговор закончился. Со двора позвали Прохора, который уже успел не только слазить в погреб, но даже и ознакомиться поближе с угощением отца Федора. Хозяин погрозил ему пальцем.

– Я – токмо для соблюдения су... субординации! Надежда Никитична не велит дворовым вместе с господами за столом сидеть!

– А ты и не будешь сидеть, – спокойно ответил отец Федор. – Стоя, больше влезет!

Прохору и в самом деле пришлось до конца завтрака стоять, но он не обиделся. На отца Федора обижаться было трудно. Порою он вел себя странно, но и в помощи отказывал редко. Поскольку мед его на ярмарке раскупался хорошо, деньги у бывшего священника водились, и Прохор сам не раз одалживался у хозяина хуторка.

В присутствии отца Федора Буська вел себя необычайно смирно, прикидывался меховым украшением и накрывал лапками мордочку. Сидел он при этом на плече у Прохора. Отец Федор мельком посмотрел на зверька, но Бусик сидел, почти не дыша, и речь о нем так и не зашла.

После еды Прохору еще хотелось покалякать о том, о сем с отцом Федором, но барышня торопилась, и Прохор заручился обещанием отца Федора зайти к нему в Арсеньевке.

Передохнувшие лошади бежали проворно, в Арсеньевку приехали задолго до полудня. Надежда Никитична встретила известие о гостях без особого воодушевления.

– Это они о неурожае проведали и на наше имение зарятся!

– Да кому наша нищая Арсеньевка нужна! – возразила Женя. – Это вам, маменька, мерещится!

– Чует мое сердце, по миру пойдем! Будешь ты, Женька бесприданницей!

Надежда Никитична подняла глаза к потолку, что должно было означать крайнюю степень отчаяния, но надо же было такому случиться: увидела на потолке паутину и сразу переменила тон:

– Глашка, душа окаянная, подь сюда!

«Глашка» – толстая баба лет тридцати неторопливо вплыла в дверь и остановилась посередине комнаты.

– Я те сколько раз говорила, чтоб ты все углы обметала!

– Я и обметала, – спокойно пробасила Глафира. – Нешто углядишь за кажным пауком?

– Сейчас гости приедут иностранные, сродственница моя заморская, а ты меня позорить перед ней станешь?

– А она нехай чужих пауков не считает, на то свои есть!

– Убери немедленно паутину! – заверещала Надежда Ни-

китична и схватилась за виски. – Вы меня в гроб загоните!

Женя переждала паутинную суматоху (Глафира взяла на помощь пару дворовых девок, и они принялись утюжить потолок щетками, изгоняя паучы семейства из завитков гипсовой лепнины) и напонила:

– Маменька, велите, чтоб обед собирали праздничный!

– Одно разорение, одно разорение! – запричитала Надежда Никитична. – Они не могли тебе в городе о делах сказать?

– Я вашу родственницу не видела. Господин Вольф сказал, они к вам желают!

– Так что ты стоишь? – неожиданно спокойно сказала Надежда Никитична. – Иди на кухню и распорядись. Скажи, что я велела. Из города, небось, не догадалась чего-нибудь особо изысканного привести? Обо всем я должна заботиться!

– Городскую еду они уже пробовали! – возразила Женя. – Надо их деревенской попотчевать. Да, я забыла сказать. Отец Федор зайдет!

Услышав про отца Федора Надежда Никитична сразу успокоилась. Она крепко доверяла бывшему священнику и надеялась, что он не позволит ее облапошить.

Разговор о потраченных на Бусика двух рублях Женя благоразумно решила отложить на более позднее время, надеясь, что за хозяйственной суетой Надежда Никитична забудет расспросить о городских покупках подробнее.

При жизни отца Жени, Александра Семеновича, Арсеньевы жили зажиточно. В их двухэтажном доме верх был отведен под спальни, кабинет Александра Семеновича и библиотеку, а нижний этаж планировался под приемы. Там был роскошный зал, уставленный тяжеловесной немецкой мебелью, с белым роялем, с мозаичным паркетом.

Со временем мебель обветшала, паркет рассохся, и только праздничные блики на крышке рояля напоминали о временах, когда в этом зале устраивались вечера камерной музыки.

По случаю приезда гостей стол Надежда Никитична решила накрыть стол в большой столовой. (В обычные дни хозяева обедали в маленькой комнате неподалеку от кухни).

На кухне мигом закипела работа: щипали птицу, жарили молочного поросенка, растирали горчицу на провансальском масле для соуса. Из погреба тащили домашнее вино и городскую водку Рябушинского.

Женя не участвовала в общей суматохе. Она переделалась, оставила удивительно сонливого Бусика в корзине с вязанием, окликнула своего любимца – пса Кертона и ушла гулять в парк. Когда-то разбитый по всем правилам английский парк зарос лопухами и чертополохом. Периодически Надежда Никитична выгоняла дворню наводить порядок, но последний такой набег был пару месяцев назад, и лужайки давно уже потеряли ухоженный вид. Окрестные крестьяне втихомолку пасли коз на окраинах, и противные животные кое-где повредили деревья.

Женя направлялась к пруду. Пруд по ее настоянию регулярно чистили, в нем водилась рыба, и на восточной стороне его стояла купальня. Правда, ночью Женя ею не пользовалась. Она дожидалась, пока в доме все заснут, брала собаку и уходила купаться. Нагревшаяся за день вода еще не успевала остыть к полуночи. Женя погружалась в воду и плыла, глядя на звезды, к середине пруда. Кертон тревожно взлаивал на берегу, потом не выдерживал, бросался в воду, и плыл к хозяйке. Женя поворачивала к берегу, но выходить не спешила. Вода была теплее, чем ночной воздух. Женя полулежала в воде, слушала, как шумно обследовал прибрежные заросли Кертон и думала о далеком океане, О таинственных глубинах, где живут неведомые твари, о стройных чайных клипе-

рах, почти перепархивающих с волны на волну со своим драгоценным грузом. О моряках, щеголяющих в белоснежных кителях и непременно курящих табак в изогнутых трубках.

На картинках в толстом журнале Женя видела кораблекрушения, вулканы и полеты на воздушных шарах. Россия тогда зачитывалась переводными романами о путешествиях, и Женя привезла себе из города целую стопку таких романов.

Сейчас Женя прошла к мосткам, где была привязана лодка, влезла в лодку и бездумно уставилась в зеленоватую воду. Кертон не пошел вслед за хозяйкой, а полакал воды из пруда и растянулся на мостках, подставив солнцу серый с черными крапинами бок.

Сквозь прозрачную толщу воды было видно, как в водорослях шныряют крошечные рыбки. Женя перегнулась через борт, упавшая на воду тень спугнула водяных жителей, и они мгновенно исчезли. Какое-то время только одинокая лягушка, распластавшаяся на поверхности, тарщила глаза на возмутительницу спокойствия. На борт лодки села крупная синяя стрекоза, развела в стороны серебристые крылья и замерла.

Тихо вокруг, только ветерок еле слышно посвистывал в кронах деревьев да сонно вздыхал Кертон. Округа дремала, маленькие волны бесконечно сменяя друг друга, стремились к берегу, покачивая лодку. Не выспавшаяся ночью Женя почувствовала, как опускаются веки, и погрузилась в блажен-

ную полудрему.

Что-то говорила вода, воркотала о чем-то сокровенном, бесхитростном, как идущий по сучку муравей. О чем-то древнем, родившимся задолго до Жени, но понятном.

Убаюканная говором воды Женя не сразу поняла, что слышит человеческие голоса.

– ...Темный здесь народ, запуганный. Слово против помещика сказать бояться. Всем управляющий вертит, что хочет, то и делает!

– Давно пора под корень! – поддержал его второй голос. Разбуженный Кертон недовольно заворчал, Женя подняла голову и увидела идущих берегом людей. Один, постарше, в обычной деревенской одежде, второй, по всему видно городской – в костюме-тройке, из кармана жилета свешивалась массивная часовая цепочка. Тот, что постарше, с окладистой по-мужицки бородой, молодой – с аккуратно подстриженной бородкой и светлыми серыми глазами. Идущие тоже заметили Женю, но реакция у них была разная – мужик насупился, а городской его приятель приветливо взмахнул рукой:

– Не спите на солнце, барышня!

Женя не спала. Волшебство одиночества нарушилось, и она вспомнила, что пора возвращаться. Двое уже поворачивали на ведущую в деревню тропинку, Кертон лениво гавкнул им вслед, встал, отряхнулся и вопросительно уставился на хозяйку. Женя поднялась, качнув лодку, ступила на мостки, и в этот миг вода вздыбилась! Полупрозрачная зеленоватая фигура седого старика приподнялась над бортом лодки,

сурово глянула на оторопевшую Женю и вновь погрузилась в воду. Кертон зашелся истерическим лаем так, что уходящие оглянулись.

При виде совершенно белого лица Жени, молодой что-то сказал пожилому и быстрыми шагами вернулся. Деревенский нехотя двинулся за ним. Кертон все еще лаял, с визгом, захлебываясь, не отрывал взгляда от воды. Обычно высоко задранный хвост его в этот раз был зажат между задними лапами.

– Что случилось, барышня? – голос молодого был искренне участлив.

Как ни испугана была Женя, но говорить о том, что видела на самом деле, она не хотела.

– Что-то очень большое, в воде...

Молодой подошел к самому краю мостков, перескочил в лодку, которая все еще качалась, всмотрелся.

– Я ничего не вижу!

– Сом это! – хмуро сказал его приятель. – Сом озорничает. У нас сомы уток под воду утаскивают!

– Ничего не вижу! – повторил молодой и вернулся на мостки. – Может и сом. Вы откуда, барышня?

– Оттуда, – Женя неопределенно махнула рукой в сторону смутно белеющего за деревьями дома.

– Вас проводить?

– Не нужно, – медленно, с расстановкой ответили Женя, все еще находясь под впечатлением встречи с водяным.

– Я – Юрий Викторович Зимин, студент из Петербурга, а вы верно из имени Арсеньевых?

– Я – Евгения Александровна Арсеньева, дочь той помещицы, которую вы собираетесь извести под корень.

Зимин ничуть не смутился, поняв, что разговор был услышан.

– Смотря какой корень! Не бойтесь, мы не так кровожадны, и с барышнями не воюем.

– А я и не боюсь! – Женя посмотрела на свисающую из кармана цепочку. – Скажите, пожалуйста, который час?

Зимин вынул из кармана часы, откинул крышку.

– Четвертый! Вас, верно, дома уже заждались? Вы всегда гуляете в одиночестве?

– Это наш парк, еще не поздно, и я не одна, а с собакой.

– С этой?! – Зимин пренебрежительно посмотрел на Кертона. – Да он своей тени боится!

– Это – нормальная собака! Он свое дело знает.

– Не похоже. А если бы я был разбойник и захотел бы вас обидеть... – Зимин не договорил, потому что, желая подчеркнуть свои слова, он неосторожно протянул руку, почти коснувшись плеча Жени, Кертон прыгнул, всей массой ударил обидчика в грудь, и человек вместе с собакою полетали в пруд.

– Ах, ты!.. – приятель Зимина потянулся за валяющейся в траве палкой, но Женя пинком ноги отбросила ее далеко в сторону.

– Кертон, ко мне!

Мокрый пес, шумно работая лапами, поплыл к берегу. Зимин, чудом не ударившийся о нос лодки, барахтался у мостков, его сердитый приятель протянул ему руку и помог взобраться на мостки.

Кертон выбрался на берег, отряхнул воду и, подбежав к хозяйке, вполне добродушно смотрел, как вытаскивают недавнего противника.

– Вот теперь вам точно придется меня проводить, – покачала головой Женя, глядя, как со студента ручьями бежит вода. – Вам нужно переодеться, до деревни еще далеко идти.

Зимин с удивлением посмотрел на собаку:

– Он казался вполне безобидным!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.